

ФИОЛЕТОВЫЕ НЕБЕСА

(Жизнеописание грешницы)

Дата — седьмое июня девяносто четвёртого года — навсегда врезалась в память, став одной из худших со времён ухода в мир иной моих родителей, худшей — да! Именно она беспощадно обнажила всю «жалкость» моей тогдашней жизни, её материальную убогость, зависимость от ненужных людей, случайных обстоятельств, заставив ужаснуться собственной беспомощности. Полтора десятилетия я стремилась вымарать её из памяти — ан

нет — помнится до мелочей, словно это было вчера.

А началось всё за день до этого. Мы с сыночком — шестилетним Антошей — не пошли в садик, чтобы вместе с другими почитателями Пушкина продекламировать стихи возле монумента поэта (до этого у сына два дня болело ушко, и пришлось брать его с собой на работу). Антоха научился читать в три с половиной года, с тех пор я таскала его на всё литературные мероприятия в библиотеках и даже на культовую процедуру по сдаче двадцати килограммов макулатуры, чтобы, обретя

Барвара Рязанцева — член Союза писателей России, член «Русского ПЕН-центра». Автор книг: «Стекланный Дом», «Однажды будет вечер голубой», «Блаженны плачущие», «Бирюльки», «Фиалки в горах», «Не как все», «В пределе извечной печали», «И вы поймёте...» (некоторые из них переведены на иностранные языки) — лауреат литературных премий, стипендиат Президентского гранта за 2020 год. В. Рязанцева относится к редкому типу современных прозаиков, сохраняющих в наше непростое время приверженность классическим традициям русской прозы, стремящимся не развлекать, а побуждать читателя к размышлению о своём месте в мире.

заветный талон, выкупить в магазине КНИГУ... Не имело значения, была это детективная проза Агаты Кристи, Жоржа Сименона или Джеймса Чейза; подростковая приключенческая литература в духе «Лунного камня» Уилки Коллинза, «Кортика» Анатолия Рыбакова или «Копей царя Соломона» Генри Райдера Хаггарда; серьёзные вещи, типа: «Фиалок по средам» Андре Моруа, «Земли людей» Сент-Экзюпери, «Это я, Господи» Рокуэлла Кента, «Римлянки» Альберто Моравиа или «Дневника» Жюль Ренара — я чувствовала прилив счастья, подобие которого испытывала, лишь когда прижимала к себе худенькое тельце сыночка. Бывало, мне перепадала третья кряду книга «Трёх мушкетёров» — неважно! «Повторку» всегда можно было обменять на то, что в твоей библиотечке отсутствовало, — у такого же завязанного книгодея, рыскающего по букинистическим в погоне за «Гойей» Фейхтвангера или «Кентавром» Апдайка, готового отдать последнюю копейку за роман «Бремя страстей человеческих» Мозма или «Зима тревоги нашей» Стейнбека, — всё от одиночества, как я теперь понимаю, ВСЁ от него...

Два года назад я рассталась с мужем, вернув себе и сыну девичью фамилию, и тешила меня в разворошённой, раскуроченной разводом судьбе одна лишь мысль: став подростком, Антон не станет пить портвейн на ступеньках подъезда, не будет нюхать клей в нашем подвале, отравленном протухшим, спёртым воздухом, — только если у него дома

будет своя полочка с любимыми книгами, и мама, которая, сколь бы затурканной бытом не была, никогда не станет ныть: «Нет плеча, чтобы опереться; в продуктовых — пустые полки; зарплата — девяносто тысяч, а буханка хлеба стоит восемьсот рублей, шоколадный батончик «Сникерс» (Антошка постоянно клянчит) — две с половиной тысячи; прошлогодние босоножки порвались, а новые купить не на что; единственная целая простыня расползлась; в буфете все чашки шербатые — говорят, плохая примета...» — а будет читать ему каждый вечер перед сном, как бы ни сложился день, стихи, и не Барто с Маршаком (при всём почтении к этим авторам), а «Хорошее отношение к лошадям» Маяковского, «Сероглазого короля» Ахматовой; «Пугачёва» Есенина, да мало ли ещё что...

Теперь-то я знаю, что придумывала всё это от отчаяния, неуверенности в себе, кучи внутренних комплексов, засевших в глубине моего «я»: после развода — точно зомбированная ходила, обречённо искала, за что зацепиться, надеясь вбить в почву своей жизни стержень, штырь — опору, коя удержала бы нас с Антой, не дала, упав, безвольно простереться на земле. А что ещё прикажете делать, если идти уже нет сил, да и некуда?! Мозг разъедал липкий страх: вдруг я не справлюсь, и, устав от бедности (настоящей бедности, какую любил описывать Фёдор Михайлыч Достоевский, смакуя её отвратительные детали), мой нежный, хрупкий ангел — мой Антоний — спу-

стится один раз с друзьями в этот самый подвал, пытаясь уйти от омерзительной реальности, и обретёт с помощью клея так необходимую, чтобы существовать на этой земле, Грёзу — мечту о несбыточном — ту самую, что не способна дать ему мать, а папы у него нет — он взял и, как в кино, «полюбил другую», и у него теперь новые жена и дочь, а у нас и простыни, и чашки — всё старое, у него радость, у нас горе — так всё в этом мире фатально переплетено! А тут ещё я, вместо того чтобы делать хорошую мину при плохой игре и хоть какие-то отношения ради сына с его отцом налаживать, нахваливая его дочку или хотя бы собаку, именно такую, о какой мечтал Антон, рыжую, с длинными кудрявыми ушами (стбила она, как я узнала от подруги, столько же, сколько югославские сапоги из натуральной кожи), — лишь злила бывшего (не хочу поминать его имя — до сих пор больно!) своей несговорчивостью, вечным гонором: «Нам жалости не надо, мы — как-нибудь сами!» Из-за гордыни и от алиментов отказалась: «Разлюбил — вот тебе Бог, а вот — порог! У нас с Антоном своя дорога...» Такой идиотизм! Только сейчас до меня дошло, хотя с самого начала было ясно, что не справляюсь финансово, прыгая с одного места работы на другое, нигде более полугодом не задерживаясь (мальш постоянно болел, он у меня хрупкий, уязвимый), — кому такой специалист нужен?

Но возвращаюсь к вышеупомянутой дате — 7 июня. Привожу я утром сына в детский сад, а воспи-

тательница, Алия Галеевна, злющая, чисто ведьма с Лысой горы, хоть и молодая, — его не принимает, требует справку из поликлиники. Я ей коробочку сливочной помадки в руки сую, чтобы задобрить, умоляю пустить Антошу: «Ему просто ушко просквозило, он не заразный!», а она: «Во-первых, я из-за вас правил нарушать не буду, а во-вторых, у вас за май не уплотнено. Расплóтитесь, справку принесёте — приму. А в подачках я не нуждаюсь!» — и швырк мне конфеты обратно, я едва коробочку поймала.

Что делать? У меня на работе напряжёнка — готовимся к выставке — я в то время в литературном музее подвизалась, зарплата низкая, зато свобода передвижения в течение дня: предупредишь начальницу, что слетаешь ненадолго в архив, а сама — на трамвай и к ученику: домашнее задание по русскому языку вместе выполнять (я факультет филологии педагогического окончила) — репетиторство меня в ту пору спасало: три частных урока в неделю — вот и бутерброд с кабачковой икрой на тарелке и яблочная шарлотка в духовке. Проблема в том, что занятия часто срывались, ученики то болели, то халтурили, а я на эти деньги — ох, как рассчитывала!

Так и в тот день — планировала одним выстрелом двух зайцев убить: в первой половине в музее дела подтянуть, в обеденный перерыв, оставив жакет на спинке стула (знак собственного присутствия: если что, я здесь, поблизости!) — к генеральскому сыну Ленику смотаться (тяжёлый

случай — помесь балбеса с лентяем — но платили родители исправно!), затем снова на работе нарисоваться и отпроситься «Антошечку пораньше из садика забрать». Он как-то проговорился, бедняга, что дни, когда Алия Галеевна «группу воспитывает», для него «самое горькое горе» — так и сказал... А я, доложу вам, и не удивляюсь: подошла как-то в сад пораньше, посмотреть, как сотрудники с ребятишками во время прогулки занимаются, а там, прости Господи, три гарпии на лавочке сидят, семечки лузгают и изредка на кого-то из детей зычным голосом покрикивают, а ребятишки в это время по площадке пустые ящики из-под кефирных бутылок возят: туда-обратно, туда-обратно. И такая тоска на меня в тот момент навалилась, такая безысходность: подумалось, вот так жизнь под окрики этих мегер и пройдёт: я с обалдуюем Лёней уроки буду до конца века зубрить, а мой сынок — светлая головушка — ящики по пыли возить! Но воспитательнице я, само собой, претензий не высказала — Боже упаси! — начнёт на ребёнке отыгрываться, со свету проживёт! С такими только два средства работают: лесть и подношения, и то, если горгона с правильной ноги утром встала...

Никуда не денешься, позвонила Светлане Валентиновне — своей начальнице, отпросилась на полдня в поликлинику с сыном. Она долго тянула паузу, прежде чем ответить (видно, гуманизм внутри боролся с протестом), но потом всё-таки разрешила, напомнив мне про «массу

неотложных дел». «Я непременно во второй половине всё закончу», — заверила я. «Женщина сердечная, но терпение и у неё не безгранично, скоро меня отсюда выпрут!» — констатировало сознание.

Побежали к участковому педиатру. Наш «родной» доктор — Белла Моисеевна — в этот день не пришла, была на участке, и я уговорила регистраторшу записать нас к дежурному врачу; устроились на лавочке в коридоре, ждём приёма, вокруг дети чихают, кашляют, я Антона к себе прижимаю, чтоб чего не подхватил, время тянется как жвачка...

Наконец, нас вызвали в кабинет. Я коротко изложила, что у мальчика несколько дней ухо болело, температура — 37,2. А доктор — того же возраста, что наша Галеевна, и такая же дёрганная, как та, — вместо того, чтобы ребёнку внимание уделить, давай меня вопросами забрасывать:

— Почему на четвёртые сутки только пришли, да не к ЛОРу и не к своему участковому?!

А потом вдруг спрашивает:

— Как, как ваша фамилия? Благодарова?.. Клара Олеговна? — а сама в это время по столу шарит, вероятно, какую-то бумажку ищет. Нашла записку в конверте, пробежала глазами, поднялась из-за стола и, ни слова не говоря, выкатилась из кабинета. «Оригинальный специалист! — думаю. — Наша Белла Моисеевна к пациентам всегда предельно чутка: температуру измерит, горло осмотрит, лимфоузлы прощупает, на живот подавит... А эта — на Антошку даже не взглянула — меня вопроса-

ми засыпала и умчалась, «удилами звеня!»!»

Какое-то время спустя доктор вернулась в сопровождении, как я поняла, своего руководителя. Замглаврача тянуть волюнку не стала:

— Клара Олеговна, нам из судебных органов бумага поступила с директивой: больничный лист вам больше не выписывать.

Я уставилась на неё, как баран на новые ворота: разве такие вопросы в суде решают? Это что, шутка?!

— Я больничный у вас и не прошу, — говорю, — только справку для садика. И причём здесь судебные органы?

А дежурантка как взовётся:

— Вам виднее, почему на вас уголовное дело завели!

И тут до меня дошло.

— Во-первых, дело не уголовное, а гражданское. И, если уж на то пошло, это мой муж сподличал — нас с Антошей бросил, у него от другой женщины ребёнок родился, живут на её жилплощади, а это её «бывшего» квартира, видимо, тот права качает, вот мой и начал судиться, чтобы от нашей с сыном «двушки» комнату оттяпать, а я не согласна, это мои покойные родители мне квартиру оставили, я в ней всю жизнь прожила. Почему это я должна, по «мужнину велению», «его жены хотению», Бог знает куда, переезжать?!. Я от алиментов отказалась, папин гараж на него переписала... Мало? Ещё и метраж подавай! Не слишком жирно будет?! Это память о моих мамочке с папочкой... Они эту квартиру в центре заслужили, а он меня

в 7-й микрорайон хочет сослать, а там даже мест в садике нету... Как я работать буду, как жить?! На заседания я не ходила, потому что у меня Антошка постоянно болеет: то ОРЗ у него, то ветрянка, то отит, то конъюнктивит... А написали вам потому, что у его «нынешней» кто-то в прокуратуре работает, вот они и пользуются блатом, давят на меня со всех сторон, а я одна в этом мире, за меня вступиться некому, понимаете?! — От стыда и жалости к себе и обхватившему меня ручонками-соломинками сыночку, бормочущему: «Не плачь, мамочка, я тебе «Во поле берёза стояла» станцию, своего любимого единорога подарю...» — я не просто плакала — безобразно выла, размазывая чёрные от туши слёзы по щекам.

— Женщина, возьмите себя в руки, пожалейте ребёнка! — попыталась урезонить меня дежурный врач, а замглав молча налила из графина воды в стакан и подала его мне.

— У меня губки обмётаны, — дрожащим голосом вступился за меня сынок, обращаясь к ней, — я, правда, болел.

— Да я вижу, миленький, — погладила она Антона по вьющимся русым волосам. — Напиши им справку для сада, — велела она докторше, — а вот дать бюллетень вам, Клара Олеговна, к сожалению, возможным не представляется, при всём сочувствии... Крепитесь! — бросила, прежде чем покинуть кабинет, замглаврача — хороший человек, сразу видно.

Ревела я всю дорогу домой — старалась успокоиться, не всхлипывать,

но слёзы лились, не переставая — слишком много обид накопилось. Антон понуро шёл рядом. Я знала, что наносу ему психологическую травму, что так нельзя, но поделаться с собой ничего не могла — страшно ослабла. Позвонив по телефону-автомату на работу, пролопотав, что сыночка не выписали, и прийти сегодня я не смогу, — не дожидаясь реакции начальницы, повесила трубку, чтобы не слышать ещё и того, что она думает на мой счёт.

Из почтового ящика выпала пометка в суд на следующий вторник, внизу была приписка, что если я не явлюсь на судебное заседание в третий раз, то буду доставлена в здание районного суда в принудительном порядке. Представив, как меня берут под белы ручки два дюжих милиционера и волокут по улице, а позади бежит, рыдая и выкрикивая: «Не трогайте мамочку!» — Антон, я содрогнулась, решив, что медлить больше нельзя — надо как-то защищать себя и сына. Но главным было выйти на работу завтра, а то мне оттуда такую характеристику в суд накачают, что простым штрафом за неявку не отделаешься, можно и впрямь крышу над головой потерять.

Где взять четыре тысячи на оплату садика — оставалось пока задачей неразрешимой. В кошельке отыскалась туго свёрнутая тысячная купюра, полученная за урок с генеральским отпрыском, но на неё необходимо было приобрести хоть каких-то продуктов — холодильник сиял первозданной чистотой. До

аванса — несколько дней, да и денег выдадут — кот наплакал. У двух моих подруг в долг я уже занимала и пока не вернула, так что этот путь был отрезан, сохранялся один вариант — я берегла его на крайний случай.

Войдя в спальню, я вытащила из глубины шифоньера наволочку, в которую был завёрнут отрез тёмно-синего кристалона с отливом цвета морской волны, и присела на койку, держа его в руках, зачарованно наблюдая, как причудливо переливается ткань в бликах электрического света. Материал в условиях тотального дефицита стоил дорого, его продала маме приятельница, чей муж работал на строительстве гидроэлектростанции «Аль-Баас» в Сирии, — с этим отрезом у меня многое связано, и звонить, предлагать его кому-то не поднималась рука. Мама подарила его мне, когда родился Антоша, сказав: «Сошью тебе к Новому году вечернее платье, будешь королевой — заслужила!» 1988-ой действительно сложился для меня необыкновенно благоприятным: я окончила с отличием вуз, родила сына. Но осуществить мамину мечту мне не довелось: сперва я кормила Антоху грудным молоком (первый год он особенно часто болел — было не до бальных туалетов!). А потом слегла и сама мама, и наша счастливая жизнь оборвалась. У неё нашли опухоль по женской линии, и сначала вырезали всё внизу, а затем ампутировали поочерёдно обе грудные железы. Она лежала (как раз на той кровати, где теперь сидела я) высоко в подушках, худющая, будто,

потеряв женское в себе, снова стала девочкой, и смотрела, не отрываясь в окно на раскидистый клён; с него облетали жёлтые листья — как в рассказе О'Генри «Последний лист». Жаль, что у меня не хватило таланта, чтобы написать для неё пейзаж с вечнозелёным деревом и поставить на подоконник — может, ей полегчало бы.

Чувствуя, что всё движется к концу, и он бессилён что-либо изменить, папа то уходил в свои мысли и сидел в кресле возле маминой постели (она уже не разговаривала), то метался по квартире, как дикий барс в неволе, не догадываясь, что в нём самом зародилась и множится «бешеная» клетка. Диагноз «аденокарцинома простаты с метастазированием» был поставлен ему уже после маминых похорон, отец отказался от лучевой терапии и мучился от болей и других сопутствующих этому виду заболевания симптомов — адски.

Родители были хорошими людьми и неразлучной парой: мама работала учителем немецкого языка в школе, ученики её любили — не забывали, даже когда она уже не вела у них уроков: звонили, передавали цветы. Мама прекрасно шила, обладая врождённым вкусом, и могла, пользуясь выкройками из немецкого журнала «Бурда моден», передаваемого портнихами из рук в руки, «состряпать» из ничего элегантную вещь. Отец работал в научно-исследовательском институте «Гипровостокнефть», на его счете было не одно изобретение, десяток статей и даже книга, вышедшая в свет, когда он уже не вставал.

Оба они ушли непростительно рано, не достигнув пенсионного возраста. Думаю, причиной этого послужило голодное военное детство, а может, когда люди так крепко спаяны друг с другом, им даётся одна жизнь на двоих, потому она и укорачивается вдвое... Я много думала об этом тогда, переживала за них страшно, но, сознавая, что без мамочки мира для отца не существует, — не стала настаивать на его лечении, а могла бы... Сегодня я виню себя в том, что не сделала тогда попытки заставить папу лечь в больницу, продлив тем самым его век — хоть ненадолго...

Впрочем, в тот период у меня земля уходила из-под ног: супруг всё больше от меня отдалялся и под предлогом того, что «в квартире, сколько ни проветривай, жутко пахнет лекарствами, не говоря уже об амбре другого рода!» — стал всё чаще пропадать из дома. Так необходимый ему свежий воздух он, как оказалось, впитывал в себя на даче своей новой избранницы. Она, на минуточку, официально была ещё замужем, когда у них всё это закрутилось.

Через три года после смерти мамы, полутора — со дня кончины отца, на следующий день после дня рождения Антошки (ему исполнилось четыре) мой благоверный, преподнеся имениннику огромного плюшевого медведя (я до сих пор храню его в кладовой — прощальный подарок — больше он не только ничего не дарил, никогда сыну не звонил!), признался, что живёт на

два дома, и скоро у них с его любимой женщиной родится дочь.

— Нужен развод! При всей моей привязанности к Антохе, — (обо мне в тот вечер не было сказано ни слова, будто я дала обязательство отправиться вдогонку за мамой и отцом — и это был решённый вопрос!), — находиться в этой квартире — выше моих сил: я задыхаюсь от зловония, устал от траурных фейсов, хныканья и нуды, я хочу кислорода и счастья! — так сказал при расставании мой супруг, которого, если уж говорить начистоту, я любила больше, чем себя, родителей, может, даже сына — за этот грех и плачу! «ХОЧУ КИСЛОРОДА И СЧАСТЬЯ!» — сей броский слоган отпечатался у меня в памяти надолго.

Так вот, в тот момент я, закрывавшая столько времени глаза на то, что с ним происходит (не оставалось сил ни на что, кроме ухода за ребёнком и моими больными), вместо того, чтобы врезать со всего размаху по красивой физиономии (кажется, я забыла упомянуть, что мой бывший был необыкновенно хорош собой: высок, плечист, ясноок — многие считали его похожим на артиста Игоря Костолевского, хотя лично я особого сходства не находила), — встала перед ним на колени, умоляя не бросать нас с Антошей — повременить, дать мне опомниться: я столько мук на себя приняла; но он, перешагнув через моё распростёртое по полу тело, ушёл, не оглядываясь. (Хочет с моста в реку сигануть, как вспомню!)

Всё это нахлынуло на меня, когда, сидя на маминой кровати, я гладила

нежную поверхность кристалона. Но надо было действовать и, промокнув салфеткой назойливую слезу, я ползла к телефону, звонить Ларисе, пока вконец не расклеилась. (У меня всего две подруги: Лара, напористая и пробивная, мы дружим с ней со школьной скамьи, и Варя — такая же клуша как я, зато душевная, умеющая найти правильное слово для утешения — с ней мы вместе с институтских времён).

— Ларок, мне нужно срочно отрезать продать, у тебя, случайно, нет желающих? — после краткого обмена приветствиями приступила к делу я.

— Твой обалденный кристалон? Случайно, есть... Только сегодня звонила Майя Семёновна — жена доцента экономической академии Берлина — моего бывшего педагога — я у него диплом писала. У неё дочь в конкурсе красоты участвует, нужно платье для финального выхода: портниха есть, а подходящий материал не подобрали, хотя целую неделю по торговым базам рыскали. Спрашивала, нет ли у кого из моих знакомых в заглазнике нужной ткани. Я щас ей перезвоню, дам твой номер...

Супруга доцента проявилась почти тотчас же.

— Голубушка, спасительница! — тарабанила она в телефонную трубку. — Вы представить себе не можете, как выручаете нас с Милочкой. Беру такси и лечу к вам...

И тут я крепко засомневалась в правильности решения: это был мамин подарок; деньги за садик можно было занять у Ларисы — сумма неве-

лика, и она, скорее всего, не отказала бы, несмотря на мой прежний долг: у неё с финансами стабильно — работает операционистом в «Соцпромбанке», там зарплаты приличные. Но я не могла не думать о суде. За оставшиеся до процесса дни предстояло найти адвоката, а это, по всей вероятности, стоило немалых денег. Иной выход не просматривался — кристаллон нужно было продавать.

«Прости, мам, такая вот жизнь собачья, только выползешь из ямы, проваливаешься в новую!» — прошептала я, глядя на улыбающуюся мамочку на фотографии. В это время прозвучал нетерпеливый звонок, и я бросилась к двери встречать гостью.

Берлина оказалась внешне крошечной, при этом вертлявой и настойчивой до настырности. Без всякого вступления она вцепилась в лежащую на столе ткань, долго мяла её, манерничая лицом, по которому трудно было понять, восторгается она или негодует.

— У вас есть ещё что-то? — наконец, вспомнила она про меня.

— Нет, это мамин подарок. Лара сказала, у вас событие, вы в безвыходном положении, надо выручать...

— Ангел! Ларочка — чистый ангел! — затарахтела жена доцента. — «Хамелеон» — это то, что нам надо! Я так и вижу, как Нелли (у меня две дочки, и обе красавицы — есть в кого — я не решила ещё, кто из них будет выступать, но это не важно!) выходит на сцену в вечернем платье с длинным шлейфом, и ей на голову возлагают корону.

— На шлейф тут вряд ли хватит — здесь ровно три метра.

— Что-нибудь придумаем. Может быть, тогда всё же Милочку делегируем, у неё рост — метр шестьдесят, на три сантиметра ниже Нелли... — (Я удивилась, так как была уверена, что для подобных конкурсов отбирают высоких девушек). — К тому же у нас портниха — клад... Такие шедевры создаёт — Зайцев обзавидуется — цимус! Произведения искусства — причём из самого банального сырья! — Гостья снова стала мять ткань. (Мне стало неприятно, как будто, это меня щипали за кожу.) — Сколько вы хотите? — ломким фальцетом (была очень возбуждена) осведомилась Майя Семёновна.

— Я не в курсе сегодняшних цен, — замаялась я. — Отрез мне долог не с материальной точки зрения, скорее, как память. — (Я сердилась на себя за то, что мямлила, будто извинялась; за то, что не попросила озвучить цену Ларису, она много раз видела мой кристаллон, знала его примерную стоимость и сделала бы это без лишних церемоний). — Знаете, я в магазины выбираюсь не часто и никогда ничего не продавала. Будет лучше, если вы оцените вещь сами!

— Святая! Я так сразу и поняла, взглянув на вас. Естественно, ведь вы Ларусина подруга! Ещё остались настоящие интеллигенты в нашем приземлённом мире. Я и сама такой же бессребреник. Всё для дочерей, всё для людей... Себе — ничего!

Она ловко свернула ткань, загнув в мгновение ока в объёмную

болоньевую сумку, откуда, как фокусник — кролика из цилиндра, достала увесистый пластиковый пакет. Положив его на стол, запричитала по-птичьи:

— Нет, нет, нет, отказов не принимаю! Жизнь нынче непроста, каждый вертится, как может... В хозяйстве пригодится. Целую, милая! Здоровья, счастья, трудовых успехов! — заключительную фразу она произнесла, уже стоя возле лифта, посылая мне, ошеломлённой её манипуляциями, воздушные поцелуи. — Пока! — услышала я снизу хлопок подъездной двери, сообразив, что надо, наконец, войти в квартиру. Вернувшись в гостиную, я, словно под гипнозом, высыпала содержимое из оставленного гостьей пакета, обнаружив палку сырокопчёной колбасы, банку тушёнки, два брикета горохового концентрата, сгущённое молоко, сливочную помадку (точно такую же, что мне утром швырнула обратно «чудо-воспитательница»), два куска хозяйственного мыла и коробку цветных карандашей фабрики Сакко и Ванцетти, довольно помнят, надо признаться. Продуктовый заказ для бедняков — на Тебе, Боже, что нам негоже! Денег в пакете не было. Я долго трясла его, вытащила карандаши из коробки, высыпала на скатерть конфеты, потом, спотыкаясь на каждом шагу, дошла до ванной, — меня вырвало.

Услышав странные звуки, из спальни выглянул Антошка, мастеровивший из конструктора гараж для грузовичка, испуганно спросил:

— Мамочка, тебя никто не оби-

дел? У тебя ничего не болит?

Плеснув воды в лицо, прополоскав рот, я распластала губы в шутовской улыбке:

— Кто меня обидит, родной, кроме меня самой?! — Сын настороженно вглядывался в мои глаза, стараясь определить, смеюсь я или опять грущу. Уткнувшись мне в подол, он залепетал так трепетно и проникновенно, что животу стало тепло и щекотно:

— Я тебя ото всех защищу... Всех побегу и тебя спасу! Возьму мой водяной пистолет, пойду в лес и найду клад, мы за садик заплатим и тортик себе купим, со свечками, я в кино видел!

— Верю, сынок, именно ты и спасёшь! — бормотала я, думая, насколько Антон близок к истине: ведь если б не он, это было бы ФИНАЛЬНОЕ унижение в моей судьбе! Никто на свете не удержал бы меня от того, чтобы наглотаться сегодня ночью оставшихся от отца обезболивающих средств — никто другой! Обнимая сына, я ласково качала его на руках, напряжение постепенно спадало.

— Всё хорошо, всё у нас с тобой отлично, Тошка! — шептала я. — Мы, конечно же, победим. Вот если б ещё с кладом повезло!..

В ту ночь я размышляла о многом, в том числе и о себе, обвиняя в излишнем благодушии и мягкотелости, хотя в эпоху «первоначального накопления капитала» (вспомнилась мне лекция по политэкономии) необходимо быть энергичной, сильной, жёсткой и злой, — такой, как

мой бывший муж, переступивший через нас с Антохой как через стоячую осеннюю лужу; как воспитатель Алия Галеевна, которая за коробку конфет «Ассорти» приветила бы сыночка в садике, а за простенькую помадку — не пустила; как эта самая Берлина, фактически обокравшая меня, забравшая для своих сигушек бывший моим талисманом мамочкин подарок: я хранила его шесть лет, продать решила только из-за дикого страха перед судом, чтобы не лишиться ещё и квартиры. Да если бы эта прохиндейка просто увела у меня отрез, это было бы не так мерзко, как то, что она сделала, всучив мне взамен «фронтной паёк», выходит, она знала наверняка (спасибо лучшей подруге Ларисе!), что я нуждаюсь, и нуждаюсь основательно. А бедных и сирых обижать легче лёгкого!

Я плакала от гнева и обиды, слёзы жгли глаза, будто в них перец насыпали; бормотала, как в лихорадке, что ничего подобного больше не допущу, кардинально переменюсь: выиграю суд, отвоевав свою квартиру; брошу свою «грошовую» работу в музее и всех своих учеников — я не Родион Раскольников, чтобы бегать по частным урокам и мечтать об ограблении старух; запишусь на бухгалтерские курсы, стану соблюдать офисный дресс-код, носить стильную одежду: белую блузку, узкую юбку и серый пиджак в талию — ни за что больше не надену свой коричневый жакет с оттянутыми карманами и оттопыренными локтями; найду себе место в кооперативе, а лучше —

в Инкомбанке, «превращающем каждую секунду в доход своих клиентов», как уверяет с экрана их милонидная сотрудница — лицо компании — надо просто взять и поверить в то, что я смогу разбогатеть! И тогда Антон никогда больше не увидит меня плачущей...

Завтрашний день — важная веха в моей судьбе: многое предстоит сделать, взгромоздив затормозившую было свой темп жизнь на скоростные рельсы, чтобы наш с Антошей вагончик бодро побегал вперёд... А начну я с того, что выскажу Галеевне всё, что думаю об её умственном развитии и педагогическом мастерстве; затем, узнав у Лариски адрес Берлиной, отвезу той её колбасу с карандашами и потребую назад мамин отрез — она недостойна даже касаться его своими плутоватыми «лапками-царапками», после же начну искать адвоката, что непременно поможет мне выиграть суд. Откуда возьмутся на все это деньги, я не задумывалась — хватило бы куража! Я не обращалась к Богу — не знала целиком ни одной молитвы, да и просить у Спасителя денег было бы в высшей степени цинично, но я намекала на это, не признаваясь напрямую, и отчего-то была уверена: меня услышат и помогут!

Программа была намечена, душившее отчаяние отпустило, обиды притихли, я уснула.

Наутро решительности у меня поубавилось, я снова надела коричневый жакет (больше ничего по погоде в шкафу не нашла, да и времени копать в вещах не было); и чем

ближе мы подходили к садику, тем сильнее я сникала: во рту пересохло, ноги обмякли — короче, очередной «день сурка». Антошка пытался меня развеселить, напевая своим чистым голоском: «Каждому, каждому в лучшее верится, катится, катится голубой вагон...» — но я его не поддержала. «Если устрою публичную разборку, — вертелось в моей расшатанной стрессами голове, — то покажу дурной пример сыну, оскандалюсь перед другими родителями, а вопроса так и не закрую, ведь я действительно не оплатила пребывание и питание Антона в саду за прошлый месяц. Лучше уж сходить к заведующей и постараться растрогать её, пообещав ликвидировать задолженность в кратчайшие сроки. «Господи, как всё противно!» — Я уже приготовилась терпеть очередное унижение, как, о, чудо! — увидела на пороге старшей группы вторую воспитательницу — Наталью Алексеevну, которую обожал мой сын — очевидно, по какой-то причине они с «фурией» поменялись сменами. Антошка бросился в её распахнутые руки, Наталья Алексеevна прижала его к себе и принялась кружить, приговаривая: «Тошка, Тошка, будешь есть картошку?» — а он заливался смехом: понятное дело — устал страдать. Оказалось, Алия Галеевна с сегодняшнего дня в отпуске — месяц свободы — ура! Чтобы при всех не расплакаться — на этот раз от облегчения (нервная система пришла в полный упадок) — я, помахав им рукой, припустила к выходу.

На работе ждала разгона от начальницы, но Светлана Валентинов-

на общалась со мной, как ни в чём не бывало, — ни слова упрёка, а после обеда дала задание отнести пакет с документами в Областную библиотеку — знала, как я люблю выездные поручения. «И опять удача! — ликовала я, вырвавшись из затхлой атмосферы музея. — Вот бы ЕЩЁ что-нибудь ДОБРОЕ приключилось! В сказках всегда три желания исполняются. Я так соскучилась по радости... Может, сегодня премию дадут: оплачу садик, погашу коммунальные платежи, куплю Антону подарок (у него скоро день рождения), перестану, чуть что, как белуга, реветь!»

Так я рассуждала, возвращаясь пешком из библиотеки (хотелось потянуть время, побыть немного наедине с собой), однако не зря говорят: мысли, если они не абстрактны, а прагматичны и целеустремлённы, и ты неотвязно генерируешь их, насливая друг на друга, настаиваешь на их осуществлении, — материализуются. Выклянчивая у верховных сил «добренькое», я упустила из виду, что, во-первых, каждому воздаётся по заслугам, а, во-вторых, выпрашивая денег, пусть даже малую толику, ты обращаешься непосредственно к «нечистому» (не спорьте со мной, всё это я испытала на собственной шкуре!) и попадаешь в зависимость от него, так как приходящее вместе с деньгами — мрачно и трагично, и цену за материальное благополучие приходится платить втридорога!

Но в тот июньский солнечный денёк я не догадывалась, что стою на грани событий, призванных навсегда изменить мою жизнь, да и меня

саму тоже. Я щурилась, подставляя лицо солнечным лучам, улыбалась пролетавшей мимо стрекозе, не предполагая, что часовой механизм уже запущен, иномарка цвета «металлик» стоит на углу Полевой и Молодогвардейской, выражаясь метафорически: «Аннушка уже разлила масло...»

Надумав заглянуть по пути на работу в супермаркет, купить хоть что-то для своего порожнего холодильника, я вдруг услышала сдавленный стон... второй... третий... Возле тротуара был припаркован серебристый автомобиль (позднее я пыталась вспомнить название модели, но, поскольку в этой сфере полный профан, ни за что не отличу «Хёндай» от «Шкоды», а «Фольксваген» от «Ауди», то попытка закончилась неудачей).

Передняя дверца с правой стороны была распахнута, стоны доносились из салона. Я заколебалась: загляну, а там эротическая сцена в самом разгаре, но в столах звучала боль, и я решила: просунула голову внутрь и увидела, что на переднем сиденье опрокинулся на спинку, склонившись вправо, либо водитель, либо владелец автомобиля, лет сорока, очень бледный с синими губами. «Лекарство в бардачке», — просипел он, задыхаясь. Поняла я его с трудом, скорее, прочла по губам, чем расслышала. Влезла на пассажирское место, открыла крышку ящичка, из него посыпались (о, ужас!) упаковки презервативов, выпали наружу солнечные очки и увесистый бумажник («Не обвинили бы меня в грабеже?! —

проник в душу страх. — Этого мне не доставало!»). Не найдя лекарства, я собралась покинуть чужой автомобиль, но больной так тяжело застонал, что, забыв о своих опасениях, я стала вновь судорожно рыться в содержимом бардачка, пытаюсь найти медикаменты — тщетно.

— У вас сердце болит? — тихо спросила я мужчину, боясь причинить ему лишнее беспокойство; он кивнул. — Хотите валидол, у меня с собой? — На этот раз у него не хватило сил даже на кивок, он просто прикрыл веки в знак согласия.

Я достала из сумочки лекарство, выковыряла таблетку из конвалютики, сунула ему в рот, попросив:

— Постарайтесь не выронить! Я в автомат, вызвать скорую...

— Телефон... — показал он глазами на огромный аппарат, весом в пару килограммов, не меньше.

— Нет, по такому я не умею. Здесь будка рядом... — хотела я уже выскользнуть из автомобиля, однако мужчина вцепился в мою руку, удерживая («Может, он не сердечник, а маньяк, который таким способом приманивает жертвы?!» — начала вырываться я).

— Не уходи! — Это была мольба страдающего человека — руку мою он выпустил почти сразу, видно, закончились силёнки. — Наклонись... трудно говорить... был инфаркт... знаю, как это... сейчас потеряю сознание... — «Тем более надо скорее бежать, вызывать неотложку!» — всполошилась я, но он продолжал шептать всё тише и тише, и я прислушалась, не желая его огорчать.

— Лучше — тебе... им — не отдавай ... на время спрячь... много плохого сам... но главное зло в них... могут убить... деньги... большие... — он захлебнулся воздухом и зашёлся в кашле, не в силах раздышаться. — Читай покаянную... — просипел он, лицо его налилось кровью, — а то ТАМ, — он закатил глаза вверх, — не примут... Этим долг и вернёшь... — голос становился всё тише, я уже едва различала звуки, практически не вдаваясь в их смысл.

— Реч... вок... яча, код дэ рэ. Моли... Жен... — Он ударил себя левой рукой по груди, ужасно захрипел, на губах выступила пена, правая рука подломилась, обвисла, он растянулся на сиденье и затих.

«Кошмар! Не нужно было слушать, только время потеряла, всё равно ничего не поняла! Надо вызывать «скорую», пока не поздно!»

Автомат оказался исправным, отвели мне быстро, подъехали медики через считанные минуты... Когда я подбежала обратно к серебристой машине, её накрытого простынёй владельца санитары уже тащили на носилках к «скорой помощи», обе двери его автомобиля были хлопнуты, рядом образовалась небольшая толпа, и я испугалась за плотно набитый бумажник. Но, увидев милиционера, разглядывающего документы, успокоилась: теперь это уже было не моё дело!

— Место рождения, — читал вслух участковый данные паспорта инфарктника, — село Анненково Майнского района Ульяновской области. Дата рождения: 28 августа 1960-го.

С ума сойти, в тридцать четыре года откинулся! — милиционер снял фуражку. Он был грузный и, как мне почудилось, подумал в ту минуту, что надо бы бросить переедать, перепивать, переживать. Да только как не делать всего перечисленного при его-то должности?!

— Он что, умер?! — вырвался из меня протяжный крик.

— Был человек — и нет человека. Бог дал — Бог взял, на всё воля Божья! — закрестилась старушка в платочке, подобострастно заглядывающая блюстителю порядка в глаза.

— Царствие небесное новопреставленному! — затянула её подружка.

— Вот, кажись, и молодой, и машина заграничная, и телефон без провода, а смерть всё равно находит, когда и где ей надобно! — пробасил гражданин в майке-борцовке, мало похожий на философа, и мне подумалось, не утянул ли он под шумок этот самый телефон, которому на рынке цены нет.

«Я не смогла помочь! Ещё один грех ко всем предшествующим, и тяжкий... — проклинала я себя за нерасторопность. — Даже имя у милиционера спросить не удосужилась, как теперь поминать умершего? Да и поминальщица из меня — ещё та! Ни одной молитвы толком не знаю... Было бы правильно в храм сходить, с батюшкой посоветоваться, что в таких случаях делают, но на меня столько всего навалилось! Если б хотя бы не суд...» Забыв про покупку съестного, под воздействием происшествия, омрачившего радужное до

того настроение, я заторопилась в музей.

Так светло начавшийся день был грубо перечёркнут смертью.

Ночью мне приснился ушедший в небытие незнакомец. Он был недоумен, что я легкомысленно отнеслась к его словам, ничем не заинтересовалась, ничего не запомнила, — а ведь произнесённое им было наделено особым смыслом, имело власть указать ему путь в потусторонний мир, а мне — дорогу к иной жизни... Он не озвучивал столь сложные мысли — молчал, но каким-то образом они перекочевали ко мне, накрепко впечатавшись в сознание. Уходя, владелец серебристой иномарки, сердито погрозил мне пальцем.

Очнувшись ото сна, я долго сидела на кровати, обхватив колени руками, ломая голову над тем, зачем мне было послано это сновидение: должна ли я отнестись к нему как к знамению, уловив некую подсказку, или же это просто реакция на дневные впечатления, что, колючкой впившись в душу, лишили меня покоя?

Часы показывали 3.45. Я прошаркала на кухню, выпила стакан кислого компота (сварила вечером на скорую руку из купленных у знакомой старушки прошлогодних сморщенных яблок и замороженной клюквы). Слегка взбодрившись, вернулась в спальню, накрыла Антошку сползшим одеялом, растянулась на маминой постели, закрыла глаза, вообразила ту самую машину и попробовала восстановить услышанное от ушедшего (Светлая ему память!), но

ничего конкретного не всплывало. Разозлившись на себя, я включила бра, взяла со стола чёрную гелевую ручку, тетрадный листок и решила записать — из уважения к усопшему — обрывки того, что он говорил о своей болезни, деньгах (это слово прозвучало совершенно внятно) и мои комментарии к случившемуся. «Чепуху какую-то затеяла среди ночи! — брюзжала я. — Моя бабушка (земля ей пухом!) любила повторять: “Ночь — матка, — днём всё гладко”. А я, со своим вечным недосыпом, работая сегодня с документами, опять буду носом окуней удить».

Представляя вчерашний эпизод, я напрягла мозг так, что, казалось, черепушка не выдержит — лопнет. Страница стала быстро заполняться: «Он стонал. Я заглянула внутрь автомобиля. Он полулежал, опираясь на локоть, в сером костюме, голубой рубашке, без галстука — крепкий, представительный мужчина... Произнёс, вернее прохрипел: “Лекарство в бардачке”. Открыла ящик, оттуда посыпались... ОК, это мы выпустим. Вывалились чёрные очки и бумажник. “Какой тугой! Пропадёт — на меня всё свалят!” — Я испугалась, приготовилась уже улизнуть, но больной так скорбно застонал, что принялась перебирать лежащие в ящике вещи ещё с большим усердием: сигареты, зажигалка, записнущка, расчёска, металлическая иконка Николая Чудотворца на цепочке, шариковая ручка, салфетка... Помню, я ещё встряхнула её — лекарств в ней не было. Прикинула: может, оно во внутреннем кармане его пиджака, но не

полезешь же к чужому человеку за пазуху, а задать вопрос — ему говорить тяжело! Спросить название лекарства, чтобы сгонять в аптеку, также неловко, а вдруг он наркоман — ломку переживает. Скажет: “Тебе-то что! Куда свой длинный нос суёшь?” Да нет, это вряд ли! Он был так бледен, губы лиловые, на лбу испарина — натуральный сердечник... Тридцать четыре — и такой больной — как-то не срастается! Впрочем, о чём я?.. От сердечных хворей даже грудные дети страдают! Просто он своей мощной фигурой производил впечатление силача, поэтому и не верилось. (Ладно, оставим это... как выглядят наркоманы в аскетичном состоянии, я всё равно понятия не имею.) В тот момент я чуть осмелела: “У вас сердечный приступ?” Он кивнул. Я вспомнила про валидол, сунула ему таблетку под язык и спешила к будке автомата, хотя он указал на лежащий на полу большой серый телефон (говорят, такие тысячи две долларов стоят), выходит, он — богатый человек! Вначале-то я предположила: водителем или охранником у какого-нибудь дельца работает — лицо простовато, на левой щеке крестообразный шрам — а потом рассудила: у нас что, в предпринимательском сообществе одни Алены Делоны обитают? Да сейчас в бизнесе — как на войне, члены разных группировок друг в друга на улице среди бела дня палят — вот вам и внешние дефекты как результат!»

Лицевая сторона листа была уже целиком испещрена моим «дедуктивным» анализом.

«Он не велел покидать его и стал бормотать совсем тихо. Что я ухватила, так это: “Не уходи! У меня уже был инфаркт, — (сам сказал, что ж тут сомневаться!), — я знаю, как это происходит, скоро потеряю сознание...” Надо записать, потому что это почти дословно, а вот дальше — хуже! Он заговорил про деньги, подчеркнул, что деньги “большие”, это я усвоила, потом сказал, если я правильно услышала: “Возьми себе! Так будет лучше... на время спрячь, «им» не отдавай!” — (Кому — «им»? — жене с детьми или партнёрам по бизнесу?) То есть, за эти деньги ещё и бороться предстоит?.. Отличненько! Ещё он сказал: “Они могут убить!” — Не приведи Господи вместо детектива в триллер угодить! А кто Антошку поднимать будет? Дальше следовало: “Я сделал много зла, — (хорошо, что признался перед смертью!), — но виноваты «они» (опять те самые «они», значит, точно не семья, а компаньоны, а, может, и того хуже — подельники!..), — Деньги ВОЗЬМИ! — (быть может, они в багажнике или на заднем сиденье машины тогда лежали? В таком случае наши доблестные правоохранители их давным-давно оприходовали, так что, как пишут в криминальной прозе: «поздняк метаться»!). — Читай за меня покаянные молитвы, тогда я попаду в рай! — так я поняла, но это уже моя личная интерпретация. — А ты этим вернёшь мне долг (какой, мама дорога, долг, если я не знаю, где эти деньги хранятся!)” Короче, новые обязательства я приобрела, а дивиденды всё те же — гулькин

фиг! Дальше я отвлеклась и пропустила пару фраз, а когда сконцентрировалась, он уже шептал не слова, а отдельные невнятные слоги: «Кря — бря, речь — печь, кот — дот, дэ — рэ...» Как в скороговорке, которую тарабанил весельчак Тоотс из чудной книжки моего детства «Весна» эстонского писателя Оскара Лутса: «Кивирюнта — пунта — энта — паравянта — васвилинги — суски — товаара — асс — сарапилли — ясси — карлитери — юнни — айкукури — лейонни». (Я до сих пор эту абракадабру наизусть помню, так часто повторяла в детстве, когда не шёл сон.)»

— Мам, ты что там шепчешь, стихи пишешь? — неожиданно раздался сонный голосок Антошки.

— Ага, стихи, Тошенька, вдохновение посетило.

— Здорово! — пролепетал сынок, надел тапочки и зашлёпал на кухню всё за тем же компотом.

— А ты случайно не знаешь, что такое «дэ рэ», дружок? — ни на что не рассчитывая, брякнула я, когда он вернулся и забрался в свою постельку.

— Конечно, знаю. Это — день рождения. Ты придумываешь, что мне подарить? Тортик со свечками и модель самолёта Ан-2, я же тебе говорил... — Он уже спал, дыша ровно и ритмично.

«Значит, это не бред. Каждая произнесённая им морфема имеет значение. Надо вспоминать! Когда у покойного день рождения, милиционер сказал: 28 августа (мне эту дату в жизни из головы не стереть, в этот день мы сочетались законным браком с моим «сиятельным бывшим»). — У меня резко упало настроение. — Да Бог с ним! Речь не о нём... Кстати,

слово «речь» присутствовало тоже, а потом что-то на «В» — не помню... Может, чьё-то выступление имелось в виду? В нём и искать разгадку. А слово «кот», скорее всего, означает «код» — «код — дэ рэ» — практически расшифрованная фраза: «28 08» или «19 60», но, если б последний вариант, неизвестный произнёс бы «гэ рэ» (год рождения)... — Судя по всему, ко мне и впрямь наведальсь вдохновенье.

— Для домашнего сейфа цифр маловато, но там ещё был слог «яч» или «яча», надо в энциклопедии посмотреть, возможно, это географическое название, а может, предполагалась «дача с кодовым замком»? Но где её найдёшь?.. «Моли...» — это точно «молись», а «Жен...» — «женщина», что же ещё?

Я почувствовала себя Шерлоком Холмсом, разгадывающим смысл письма с пляшущими человечками. (Лучше бы всё-таки детектив, чем триллер!) И тут меня одолела дремота, укрывшая ненадолго в цитадели сна.

Несмотря на то, что спала в ту ночь я какие-нибудь три-четыре часа, — проснулась бодрячком. Пробежав каракули, нацарапанные на тетрадном листе, усмехнулась: «Тоже мне, сыщица доморощенная!» В детский садик мы шли с Антохой, напевая песенку: «Вместе весело шагать по просторам...», зная, что в группе не будет «домомучительницы» Алии Галеевны, от этого и дышалось легче, и поступь у нас была увереннее. Чтобы развлечь сыночка, я стала задавать ему разные вопросы, выдавая их за головоломки...

Продолжение следует